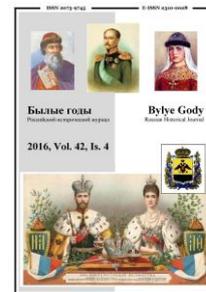

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 42, Is. 4, pp. 1068-1076, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

ARTICLES AND STATEMENTS

UDC 348.011.3

Buddhism and Legal Tradition in Mongolia

Mergen S. Ulanov ^{a, *}, Valery N. Badmaev ^a, Natalya P. Matsakova ^a

^a Kalmyk State University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the problem of the influence of Buddhism on the legal tradition in Mongolia. The scientific relevance of the study concerning the history of interaction of Buddhism and legal tradition lies in the fact that religion and law are the values and norms that regulate social relations, revealing level and condition of morality of society, determining the system of value coordinates. The analysis of the cultural-historical context of interaction of legal and religious institutions is of particular importance. In this regard, the questions regarding the history of interaction of Buddhism and legal traditions in Mongolia are of special interest. The authors consider such monuments of Mongolian law as the «Great Yasa», the Hutuktay-Sechen's Law, the Altan Khan's Code, the «Eighteen steppe laws», the «Ih tsaaz» (the Mongol-Oirat Code of 1640), the «Mongol Tsaadzhin Bichig» («the Mongolian law»), the «Khalkha Dzhirum» and modern legislation of Mongolia. A common in the religious studies view on Buddhism as a contemplative religion, indifferent to political-legal issues, is not entirely true. The study showed that Buddhism had a significant influence on the formation of state-legal relations in Mongolia. Inclusion of the Buddhist Canon law in the national legislation contributed to strengthening of the provisions of the world religion in the Mongolian society. As a result it became an important regulator of legal relations. It also contributed to the fact that the Buddhist clergy was beginning to be perceived by the population as an important and integral part of society. After proclamation of the Mongolian People's Republic and the subsequent persecution of the Church Buddhism ceased to have any serious impact on the law. In the modern democratic Mongolia the leading role of Buddhism in the country is enshrined in law, and it is regarded as an ideological foundation for preservation of national culture and Mongols' identity.

Keywords: Buddhism, Buddhist law, canonical law, state, Mongolia, Mongols, Halha, lamas, the clergy.

1. Введение

Научная актуальность исследования истории взаимодействия буддизма и правовых традиций обусловлена тем, что религия и право выступают ценностно-нормативными регуляторами общественных отношений, выявляя уровень и состояние нравственности социума, определяя систему его ценностных координат. Можно согласиться с мнением Г.Дж. Бермана, что «если право придает религии социальное измерение, то религия одухотворяет право, заставляет людей ценить его» и «религия как человеческое чувство святого и право как человеческое чувство справедливости — два главных аспекта общественной жизни людей (Берман, 1999: 8).

Особое значение при этом имеет анализ культурно-исторического контекста взаимодействия правовых и религиозных институтов. В этой связи представляют интерес вопросы истории взаимовлияния буддизма и правовых традиций в Монголии.

* Corresponding author

E-mail addresses: ulanov1974@mail.ru (M.S. Ulanov), badmavo7@yandex.ru (V.N. Badmaev), matsakova_np@mail.ru (N.P. Matsakova)

2. Материалы и методы

Эмпирической основой данного исследования стали памятники монгольского права: Великая Яса, «Цаган теуке» («Белая история»), Закон Хутуктай-Сэчена, «Восемнадцать степных законов», «Их цааз» (Монголо-ойратское уложение 1640 г.), «Монгол цааджин бичиг» (Монгольское уложение), «Халха Джирум», Конституция Монголии 1992 года.

Методологическая основа исследования опирается на общенаучные методы синтеза, логического анализа, дедукции и индукции, а также на сравнительный и сопоставительный методы. В ходе работы над материалом активно применялись историко-системный, историко-юридический и конкретно-исторический методы.

3. Обсуждение

Можно отметить недостаточную исследованность данной проблемы. При этом в дореволюционной историографии значительное внимание исследователей привлекало Монголо-ойратское уложение 1640 г. Соответственно наиболее обсуждаемым был вопрос о влиянии буддийского канонического права на «Их цааз». Так, Ф. Леонтович относит к его источникам «каноническое право ламаистских буддистов», наряду с Великой Ясой Чингис-хана, местными или малыми ясами, монгольскими ярлыками XIII в. и т.д. (Леонтович, 1879: 188) В то же время, К. Голстунский указывал на невозможность существования каких-либо иных источников, кроме обычного права. По его мнению, ни Великая Яса Чингисхана, ни ярлыки, ни каноническое буддийское право не были и не могли быть письменными источниками для законов 1640 г. При этом он все таки отмечает, что на статьи законов 1640 г., возможно, повлияло распространения буддизма (Голстунский, 1880: 10-12). Я.И. Гурлянд также считал неправильным определение ясы, ярлыков, канонического права как письменных источников уложения 1640 г., поскольку никаких письменных источников у создателей законов не было. Было только обычное право, которое, вероятно, и послужило источником для Уложения (Гурлянд, 1904: 55).

В советский период, несмотря на обилие работ по истории Монголии, религиозный аспект монгольского права, по известным причинам, почти не исследовался. Из работ довоенного периода можно отметить труд историка и правоведа В.А. Рязановского «Монгольское право (преимущественно обычное). Исторический очерк», изданный в 1931 г. Харбине. Вслед за Леонтовичем, Рязановский считал одним из основных источников законов 1640 г. «ламаистское каноническое право» (Рязановский, 1931: 40). Наиболее убедительной можно считать точку зрения монголоведа А.Г. Сазыкина, который подчеркивал, что монголо-ойратские законы 1640 г. не включают в себя прямых положений тибетского буддийского канона, но влияние последнего посредством представителей духовенства, участвовавших в законотворчестве, несомненно (Сазыкин, 1980: 133).

Из современных отечественных исследований, специально посвященных данной проблеме, можно отметить статьи П.Н. Дудина (Дудин, 2012), А.А. Курапова (Курапов, 2010), Р.Ю. Почекаева (Почекаев, 2013b) и В.Н. Шатуева (Шатуев, 2010). Среди зарубежных исследователей на Западе можно выделить главным образом статью американского монголоведа В.А. Уоллес «Буддийское право в Монголии» (Wallace, 2014).

4. Результаты

Становление буддизма среди кочевников Монголии – длительный процесс, в котором условно можно выделить следующие основные этапы. Первая волна распространения буддийской веры началась в хуннский период и длилась до XII–XIII вв. В этот период вместе с буддизмом мирно уживались не только древние традиционные культы, но и другие конфессии. Здесь особо можно отметить несторианство, которое получило достаточно широкое распространение в Центральной Азии. Основным источником права у древних монгольских кочевников был обычай, кодифицированный и охраняемый силой государства. Влияние буддизма на право в этот период было крайне незначительным. Исключением, вероятно, были монголоязычные племена киданей, создавшие крупную империю Ляо. Буддизм здесь был наиболее распространенной и официальной религий. Буддийские монахи в империи пользовались значительными привилегиями: декретами правителей они были освобождены от воинской службы и налогов (Крадин, Ивлиев, 2014: 245-246).

Второй этап распространения буддизма среди кочевников Монголии был связан с правлением Чингис-хана и продолжался до конца XIV в. Это было время создания единого общемонгольского государства, когда монгольское общество нуждалось в религии, которая могла бы выступить новым социальным регулятором. Однако буддизм в этот период не получил достаточно широкого распространения среди монголов. Веротерпимость монголов придавала буддизму статус одной из многих религий, которые получили распространение в Монголии в ходе известных завоеваний. Монгольские правители относились ко всем религиям как к частным проявлениям веры в единое божество – Тенгри (Небо), выразителем воли которого выступал Великий Хан. По этой причине монголы, даже покровительствуя буддизму, продолжали уважительно относиться ко всем основным религиям.

Образование в начале XIII в. Великого Монгольского улуса обусловило необходимость создания общих, письменно закрепленных правовых норм для управления расширяющимся государством. С этой цели было использовано обычное право, которое подверглось корректировке и кодификации. Свод законов и установлений получил название «Великая Яса» или просто «Яса» Чингисхана. Яса (в переводе с монгольского означает постановление, закон) была принята на Великом курултае в 1206 г., одновременно с провозглашением Темучина каганом всей Великой степи. Но и после этого положения Ясы дополнялись и расширялись (Мухаметов, 2006: 64).

Необходимо отметить, что меры наказания, которые были предусмотрены Ясой, очень суровы и никак не согласуются с буддийским гуманизмом. Главной целью наказания выступало физическое уничтожение преступника. В особых случаях не только сам преступник, но и члены его семьи подвергались наказанию. Смертная казнь предписывалась почти за все виды преступлений. Она следовала за значительную часть преступлений против религии, морали или установленных обычаев; за большинство преступлений против хана и государства; за некоторые преступления против собственности; за конокрадство – в случае, когда вор не мог заплатить штраф (Великая яса, 1997: 113-114).

При всей жестокости данного законодательства, важная особенность Ясы Чингис-хана – веротерпимость. Как отмечал персидский историк XIII в. Джувейни, «Поскольку Чингис не принадлежал какой-либо религии и не следовал какой-либо вере, он избегал фанатизма и не предпочитал одну веру другой или не превозносил одних над другими. Напротив, он поддерживал престиж любимых и уважаемых мудрецов и отшельников любого племени, рассматривая это как акт любви к Богу» (Великая яса, 1997: 112-113).

Распространение буддизма в данный период нашло отражение в некоторых историко-правовых памятниках, в частности в «Цаган теуке» («Белая история»). Авторство положений «Белой истории» приписывается хану Хубилаю, внуку Чингис-хана. Доработка памятника была осуществлена Хутуктай Сэчэном-хунтайджи (Белая история, 2001: 80). Влияние усиливающей свои позиции буддийской религии отразилось во включении в памятник норм об освобождении духовенства от налогов и повинностей. Буддийские ламы были приравнены по статусу к чиновникам империи, а требования соблюдения буддийских ритуалов были включены в число обязательных для исполнения норм. Кроме того, под воздействием буддизма в положения о наказаниях были внесены соответствующие изменения и дополнения (Белая история, 2001: 74-80).

Третья волна буддизма пришла в монгольские степи на рубеже XVI–XVII вв. Буддизм способствовал политическому союзу раздробленных ханств и княжеств. Главной формой распространившегося среди монголов тибетского буддизма стала «желтошапочная» традиция Гелуг («школа добродетели»).

Среди правовых источников данного периода особое место занимает Закон Хутуктай-Сэчена (1577 или 1578 г.). Данный юридический документ относится к правовым памятникам Южной Монголии и является светским правовым актом, который целиком был посвящен регулированию государственно-конфессиональных взаимоотношений. Впоследствии нормы, касавшиеся этой сферы, вошли в «светские» законодательные своды – Восемнадцать степных законов, «Их Цааз» и Халха Джирум. Хутуктай-Сэчен (1540–1586) принадлежал к ветви Чингизидов, управлявшей аймаком Ордос (в Южной Монголии). Закон Хутуктай-Сэчена, носящий официальное название «Арбан буяны цааз» («Закон, обладающий десятью добродетелями»), был объявлен на встрече Далай-ламы III с князьями Южной Монголии, решившими провозгласить буддизм официальной религией монголов.

В п. 1 (преамбуле) закона упоминается о том, что прежде монголы уже исповедовали буддизм, что обусловило их величие, тогда как забвение буддийских норм привело их к «невежеству и темноте». Содержание 2 пункта говорит о «союзе Алтаря и Трона», который преследует цель утверждения «святого учения» и «закона десяти добродетелей». Пункт 3 посвящен уничтожению древнего степного обычая, широко распространенного и среди монголов – умерщвления скота, членов семьи и рабов умершего. В п. 4 развиваются положения предыдущего пункта: вообще запрещается всяческое убийство в связи со смертью родственника. На нарушителей возлагаются суровые санкции – смертная казнь за умерщвление человека, конфискация имущества за умерщвление скота, принадлежавшего умершему. Кроме того, устанавливается наказание за посягательство на лам и послушников. Пункт 5 посвящен борьбе с «идолами», т.е. онгонами – духами-покровителями домашнего очага, олицетворявшими умерших предков хозяев жилища. Пункт 6 предусматривает штраф за нарушение закона, причем в десятикратном размере. В п. 7 развиваются положения п. 5, причем вместо прежних обрядов почитания онгонов-предков предписывается совершать жертвоприношения только молочными продуктами – причем не онгонам, которых следует уничтожить, а Махакале – «защитнику Учения». В п. 8 говорится о важности соблюдения поста в определенные дни. Наконец, п. 9 содержит запрет грабежей населения Китая, Тибета и Монголии – вероятно, речь идет о единоверцах-буддистах среди местного населения (Закон Хутуктай-Сэчена, 2003: 40).

Из числа правовых памятников указанного периода необходимо отметить и Уложение Алтан-хана, одного из правителей Монголии. Алтан-хан известен как ревнивый распространитель «желтошапочного» буддизма в монгольских кочевьях. Он даже пригласил в Монголию одного из

высших иерархов тибетского буддизма Сонама Гьяцо, которому даровал титул Далай-лама, признав его главой буддийской конфессии в Монголии. В ответ Алтан-хану был пожалован титул Номун-хана («Владыки Учения»).

Интересно, что в Уложении, в отличие от некоторых других более поздних актов отсутствуют религиозные нормы. Основная причина данного факта, вероятно, заключается в том, что Алтын-хан был приверженцем концепции «двух законов (принципов)», провозглашавшей гармонию духовной и светской властей, которые при этом не сливаются, образуя своеобразную «симфонию», подобно византийской государственно-церковной модели. Неслучайно в преамбуле уложения отмечается: «В учении Двух Принципов сказано: законы религии как сплетенные шелковые ленты, как сильный удар грома, который не может быть отвращен; законы хана как золотое ярмо, мощное и повергающее в трепет. Этот могущественный закон, являющийся одним из Двух Принципов, распространяется на все уголки царства, и большие и малые следуют ему как установлено» ([Уложение Алтан-хана, 2011: 127](#)). Таким образом, данное уложение представляло собой только один «закон (принцип) власти» и не претендовало на силу «закона (принципа) веры». В то же время влияние буддизма нашло отражение в преамбуле, имеющей четко выраженный религиозный характер, и в более мягких формах наказания по сравнению с прежним монгольским законодательством.

В конце XVI — первой трети XVII вв. на съездах крупнейших князей Северной Монголии были приняты «Восемнадцать степных законов». Статьи законов свидетельствуют о том, что первое двадцатилетие XVII в. было отмечено бурным распространением буддизма в Халхе. Именно с этого времени тибетский желтошапочный буддизм стал действительно господствующей религией. «Восемнадцать степных законов» четко зафиксировали появление новой политической силы — духовенства, закрепив за ними значительные права. Завоевав прочные позиции и получив поддержку со стороны законодателей в начале XVII столетия, буддизм далее смог развернуть борьбу с шаманизмом, что нашло отражение в более позднем кодексе — Монголо-ойратском уложении 1640 г.

Влияние буддизма прослеживается в том, что многие законы начинаются с мантры «*um suvasti siddam*» и заканчиваются мантрой «*mangalam*». Один из законов («Великий закон года обезьяны») даже начинается со следующей молитвы: «Поклоняемся Шакьямуни-Бурхану (Будде), достигшему совершенства, победившему шимнусов, постигнувшему две истины. Просим счастья Бурхана десяти сторон и трех времен». Однако сразу после этих слов идет отрывок, свидетельствующий о сохранении пережитков шаманизма и тенгрианства: «Установилась преемственность совершенных мудрых знаний среди тэнгриев, родившихся по воле высшего Тэнгри-Бурхана» ([Восемнадцать степных законов, 2002: 53](#)).

Свидетельством широкого распространения буддизма стал специальный «Религиозный закон» или «Монашеский закон» для духовенства, в котором определялись привилегии духовенства по освобождению от повинностей и налогов. Предусматривалось наказание за невыполнение монашеских обетов. Проникновение буддизма повсеместно на территории Монголии и обусловило необходимость законодательно закрепить его права и привилегии высшего духовенства как представителей господствующего класса. В данном законе описываются и наказания за различные религиозные проступки, отмечается, что «Если банди (послушники) нарушат свой обет или совершат воровство, то, выдавив на их руках клеймо, выгнать» ([Восемнадцать степных законов, 2002: 52](#)). Особое место занимают статьи законов, обеспечивающие права буддийского духовенства: «Если [кто] прервет поставки довольствия и подвоя ламе, едущему с повелением от нойона, взять с того пяток» ([Восемнадцать степных законов, 2002: 41](#)).

«Восемнадцать степных законов» явились письменным источником для составления «Их цааз» — Монголо-ойратского уложения 1640 г. Как известно, Монголо-ойратские законы были приняты на съезде ойратских и халхаских князей в 1640 г. Этот съезд, созванный по инициативе джунгарского правителя Эрдэни Батур-хунтайджи, имел своей целью урегулирование взаимоотношений между монгольскими князьями и организацию совместной борьбы против маньчжуров. Текст законов, первоначально составленный на монгольском языке, впоследствии был переложен на ойратский алфавит.

Необходимо отметить, что свод монголо-ойратских законов 1640 года имел самое непосредственное «религиозное начало», поскольку из текста вводной части уложения следует, что собравшиеся представители знати монгольских народов поклоняются Очир-Дара ламе, а текст свода законов основан на буддийском учении ([Их Цааз, 1981: 13](#)). «Великое уложение» законодательно закрепило не только права князей Халхи и Джунгарии, но и правовое положение буддийской сангхи. Духовенство наделялось значительными правами, а за непочтительное отношение к монахам вводились штрафы: «За оскорбление лам, являющихся учителями князей, оштрафовать пятью девятками /скота/. За оскорбление гэлунов оштрафовать тремя девятками. А того, кто ударит его, наказывать пятью девятками» и т.д. ([Их Цааз, 1981: 16](#)).

Буддизм оказал заметное влияние на монголо-ойратские законы 1640 года. В данном правовом памятнике отсутствует жестокость Великой Ясы, где смертная казнь, как наиболее распространенное наказание, угрожала даже за незначительные нарушения. Вообще нормы законов 1640 г. более гуманны, что, несомненно, связано с влиянием буддизма. С другой стороны, прежняя веротерпимость монголов уступает здесь место протекционизму в отношении к буддизму. Законы 1640 г. в этом плане

отличаются от Ясы и были направлены на вытеснение шаманизма буддизмом. Так, одна из статей уложения гласит: «У человека, пригласившего к себе шамана или шаманку, взять его лошадь. У прибывшей шаманки тоже взять лошадь. У того, кто, увидев их, не возьмет /у них лошадей/, отобрать и его лошадь» (Их Цааз, 1981: 28).

Законы и установления «Их цааз» не ограничивались регламентацией светской жизни в Монголии, но в целом ряде статей определяли и положение буддийской религии в стране, быт монастырей и правила поведения лам. В соответствии с этими статьями, например, настоятели монастырей были обязаны постоянно следить за поведением лам, разрешать или запрещать им выезды в сельскую местность к верующим для проведения молитв или врачевания больных в течение только одного дня. Ламы, нарушавшие обеты, подвергались большим штрафам: «С тойна, самовольно нарушившего принятый на себя обет, взять половину его имущества и скота» (Их Цааз, 1981: 16).

Как справедливо отмечает Р.Ю. Почекаев, то обстоятельство, что нормы, связанные со статусом буддийского духовенства включались в своды общегосударственного права, способствовало более эффективному проникновению буддийских идей в правосознание монголов, которые стали воспринимать буддийских монахов как важную и неотъемлемую часть общества (Почекаев, 2013а: 224).

Итогом принятия монголо-ойратских законов 1640 года стало формирование буддийских государств у монгольских народов. При этом одной из главных причин создания Уложения 1640 г. была настоятельная потребность приспособить общественный быт ойратов и монголов к требованиям и положениям новой конфессии. Поэтому при рассмотрении «Их цааз» необходимо обязательно учитывать влияние на него буддизма вообще и буддийского канонического права в частности.

После подчинения Монголии империи Цин манчжурам не составило труда ввести в действие в Монголии ряд собственных нормативных актов, в частности в XVII веке здесь было введено «Монгол цааджин бичиг» (Монгольское уложение). Данный памятник права представляет собой свод маньчжурских законов для монголов на 1627–1694 гг. Составление «Цааджин бичиг» было вызвано включением Южной и позже Северной (Халха) Монголии в состав Цинской империи. «Цааджин бичиг» вообрал в себя как нормы маньчжурского права, так, в определенной степени, и нормы обычного монгольского права.

В Монгольском уложении не прописаны подробно наказания за религиозные проступки, указано лишь, что «если ламы и шаманы будут вести себя непристойно, вопреки законам и несовместимо с обычаями, то необходимо было выработать меру наказания виновных: в каких случаях убивать, бить или штрафовать». Оговаривается, что ламы и послушники «должны молиться бурхану (Будде), читать священные книги и очищать себя духовно» (Цааджин бичиг, 1998: 75). Указание на шаманов, которые перечисляются наравне с ламами, свидетельствуют о том, что шаманизм, наряду с буддизмом, признавался маньчжурами официальной религией.

Введенная маньчжурами система наказаний была чрезвычайно жестокой и совершенно не соответствовала буддийским традициям монгольского общества. И хотя в последующих уложениях эта система была в целом сохранена и даже ужесточена, многие судебные дела в Монголии до 1919 г. решались по монгольским законам «Халха Джирум».

Более поздний законодательный памятник – сборник законов «Халха Джирум» – содержит все основные законы и постановления, которые были приняты на крупнейших съездах монгольских князей за период с 1709 по 1770 гг. и действовали на территории Халхи вплоть до провозглашения в 1911 г. автономии Внешней Монголии. Содержание сборника «Халха Джирум» самое разнообразное. Однако можно заметить, что в нем красной нитью проходит строгое выделение и подчеркивание привилегий духовенства. В частности, «Халха Джирум» предусматривал серьезные наказания за кражи монастырского имущества: «Если кто совершит кражу из монастырского стада, то надлежит отпустить его самого, а все его движимое и недвижимое имущество отобрать» (Халха Джирум, 1965: 44). В то же время в данном сборнике устанавливалась и ответственность за нарушение монашеских обетов: «Если будет пить монах гэцул, то взять [с него] пять пятилетних коней. Если будет пить послушник (банди), то взять [с него] трех пятилетних коней» (Халха Джирум, 1965: 88).

Внешняя Монголия, провозгласив независимость и возведя на престол Богдо-гэгэна VIII, нормативно определила место и значение религиозных предписаний в государственной и правовой системе страны. Первым шагом после объявления самостоятельности по указу Богдо-гэгэна была разработка с 1913 по 1918 гг. и введение в действие правового акта «Установленное указом правовое писание Монголии», состоявшего из 65 томов (Дудин, 2012: 161), в содержании которых традиционные правовые институты подкреплялись религиозной традицией воздействия на общественные отношения. Затем (20 июня 1912 г.) был издан Указ об образовании совета министров, в котором говорилось, что правительственными чиновниками могут быть только буддисты, а «с требованием ламаизма будет согласовываться весь образ государственного управления Монголии» (Дудин, Шемелин, 2015: 99).

С приходом к власти «Народного правительства» 1 ноября 1921 г. вступает в силу «Клятвенный договор», по которому Богдо-гэгэн признавался в качестве конституционного монарха. Официально провозглашалось его верховенство в религиозных вопросах при сохранении за ним статуса главы

государства. Вместе с тем отмечалось, что он не должен заниматься государственными делами. Было введено понятие «конституционная монархия», предполагавшее наличие института хана, который действовал через председателя народного правительства. Вместе с тем следует отметить, что за Богдо-гэгэном сохранялись «согласительные» функции по утверждению законов. Богдо-гэгэн получил право «отлагательного вето» в отношении законов, которые не касались изменения основ Монгольского государства. «Клятвенный договор» действовал до 1924 г., когда была провозглашена Монгольская Народная Республика (Дудин, Шемелин, 2015: 99).

При этом влияние буддизма и его духовных лидеров в Монголии было настолько сильно, что даже с приходом новой власти в 1921 г., многие ламы долгое время занимали в правительственных структурах руководящие должности. Только с началом массовых репрессий против буддийского духовенства в конце 30-х годов XX века она потеряла свое политическое значение в обществе. Первые «послабления» в отношении буддизма были сделаны только в конце 1940-х гг. Но о восстановлении былого влияния буддизма на общество и государство не могло быть и речи.

Возрождение буддизма в Монголии во многом связано с проведением политических и социальных реформ 1986 г., когда была устранена большая часть официальных ограничений на исповедание буддийской религии. При этом резкий рост влияния буддизма на социальную и политическую жизнь монгольского социума не мог остаться без внимания законодательных органов Монголии. По этой причине в 1992 г. в новую Конституцию Монголии была включена статья, которая определяла государственно-конфессиональные взаимоотношения (глава 1, статья 9): «В Монголии государство уважает религию; духовенство признает и почитает государство. Государство не может осуществлять религиозную деятельность, а религия не вправе заниматься политической деятельностью» (Конституция Монголии, 1992).

Сегодня деятельность религиозных институтов регулируется «Законом об отношениях государства и религиозных организаций» и «Концепцией национальной безопасности Монголии». Государство рассматривает буддизм как идеологическую основу для сохранения национальной идентичности и культурных традиций монголов. В соответствии с Законом от 11 ноября 1993 г. об отношениях между государством и религией, буддизм в отличие от других конфессий признан главенствующей религией (Ванчикова, Цэдэндамба: 2014: 94).

5. Заключение

Таким образом, распространенный в религиоведении взгляд на буддизм как на созерцательную религию, равнодушную к политико-правовым вопросам, является не совсем верным. Исследование показало, что буддизм оказал значительное влияние на формирование государственно-правовых отношений в Монголии. Включение буддийского канонического права в общегосударственное законодательство способствовало закреплению положений мировой религии в монгольском обществе, в результате чего они стали важным регулятором правоотношений. Это также содействовало тому, что буддийское духовенство начало восприниматься населением как важная и неотъемлемая часть общества. После провозглашения Монгольской Народной Республики и последующих гонений на духовенство буддизм перестал оказывать какое-либо серьезное влияние на право. В современной демократической Монголии ведущая роль буддизма в стране законодательно закреплена, а сам он рассматривается как идеологическая основа для сохранения национальной культуры и идентичности монголов.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-23-03002 «Роль традиций в современной культуре монголоязычных народов».

Литература

- «Белая история», 2001 – «Белая история» – монгольский историко-правовой памятник XIII–XVI вв. Улан-Удэ, 2001. 198 с.
- Берман, 1999 – Берман Г.Дж. Вера и закон: примирение права и религии. М., 1999. 431 с.
- Ванчиков, Цэдэндамба, 2014 – Ванчикова Ц.П., Цэдэндамба С. Современные процессы в монгольском буддизме: 1990–2007. // Гуманитарный вектор. 2014. №2 (38). С. 89-96.
- Великая яса, 1997 – Великая яса // Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь-М, 1997. С. 108-130.
- Восемнадцать степных законов, 2002 – Восемнадцать степных законов: Памятник монгольского права XVI–XVII вв. СПб., 2002. 160 с.
- Голстунский, 1880 – Голстунский К.Ф. Монголо-ойратские законы 1640, дополнительные указы Галдан Хун-тайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. СПб., 1880. 144 с.
- Гурлянд, 1904 – Гурлянд Я.И. Степное законодательство с древнейших времен по XVII столетие. Казань, 1904. 112 с.
- Дудин, 2012 – Дудин П.Н. Становление и нормативное закрепление теократической монархии в Монголии 1911–1924 гг. // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 2. С. 156-161.

Дудин, Шемелин, 2015 – Дудин П.Н., Шемелин А.В. Политический опыт государственного строительства и формирование понятия «Буддийское право» в странах Азии в период XX в. // Вестник Забайкальского государственного университета. 2015. № 2 (117). С.96-102.

Закон Хутуктай-Сэчена, 2003 – Закон Хутуктай-Сэчена // Дугаров Р.Н. Очерки средневековой истории Кукунора (Ойрат-монгольская цивилизация IV–XIX вв.). Улан-Удэ, 2003.

Их Цааз, 1981 – Их Цааз («Великое уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. М., 1981. 148 с.

Конституция Монголии – Конституция Монголии 1992 года. Принята 13 января 1992 г. Вступила в силу 12 февраля 1992 г. [Электронный ресурс] / URL: <http://mongolnow.com/index.html> (Дата обращения 23.08.2016).

Крадин, Ивлиев, 2014 – Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л. История киданьской империи Ляо (907–1125). М., 2014. 351 с.

Курапов, 2010 – Курапов А.А. Законотворческая деятельность калмыцкого буддийского духовенства (XVII–XIX вв.) // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2010. № 6 (85), ч. 2. С. 262-268.

Леонтович, 1879 – Леонтович Ф.И. К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий. Одесса, 1879. 282 с.

Мухаметов, 2006 – Мухаметов Ф. «Яса» Чингисхана и ее роль в монгольской правовой системе // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. 10. Востоковедение. Евразийство. Геополитика. 2006. №3. 64-71.

Почекаев, 2013а – Почекаев Р.Ю. Закон Хутуктай-Сэчена и особенности развития монгольского права на рубеже XVI–XVII вв. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. № 1. С. 204–224.

Почекаев, 2013б – Почекаев Р.Ю. Правовые аспекты распространения буддизма в Монголии в XIII–XVIII вв. // Страны и народы Востока. Вып. XXXIV: Центральная Азия и Дальний Восток. СПб., 2013. С.16-33.

Рязановский, 1931 – Рязановский В.А. Монгольское право (преимущественно обычное). Исторический очерк. Харбин, 1931. 348 с.

Сазыкин, 1980 – Сазыкин А.Г. Этико-правовые принципы литературы «народного буддизма» и монгольские законоуложения XVII–XVIII в. // Ламаизм в Калмыкии и вопросы научного атеизма. Элиста, 1980. С. 129–137.

Уложение Алтан-хана – Уложение Алтан-хана // Правоведение. 2011. № 1. С. 126–135.

Халха Джирум, 1965 – Халха Джирум: Памятник монгольского феодального права XVIII в. М., 1965. 340 с.

Цааджин бичиг – Цааджин бичиг («Монгольское уложение»). Цинское законодательство для монголов 1627–1694 гг. М., 1998. 342 с.

Шатуев, 2010 – Шатуев Н.В. К вопросу о государственно-правовом регулировании религиозных отношений в Монголии в XVII–XVIII веках // Формы государства и права в России и странах АТР. Материалы заочной научной конференции 17.12.2010. [Электронный ресурс] / URL: <http://econf.rae.ru/article/5731> (Дата обращения 23.08.2016).

Wallace, 2014 – Wallace V.A. Buddhist Laws in Mongolia // Buddhism and Law. Edited by Rebecca French. Cambridge. 2014. P. 319-333.

References

«Belaja istorija», 2001 – «Belaja istorija» - mongol'skij istoriko-pravovoj pamjatnik XIII–XVI vv. [«White Side Story» - Mongolian historical and legal monument XIII–XVI centuries]. Ulan-Ude, 2001. 198 p.

Berman, 1999 – Berman H.G. Vera i zakon: primirenje prava i religii. [Faitli and Order: The Reconciliation of Law and Religion]. М., 1999. 431 p.

Vanchikov, Tsedendamba, 2014 – Vanchikova C.S., Tsedendamba S. Sovremennye processy v mongol'skom buddizme: 1990-2007 [Modern processes in Mongolian Buddhism: 1990–2007]. // Humanitarian vector. 2014. Nr.2 (38), pp. 89-96.

Velikaja jasa, 1997 – Velikaja jasa [Great jar] // Vernadsky G.V. Mongoly i Rossija [Mongolia and Russia]. Tver-M, 1997. S. 108-130.

Vosemnadcat' stepnyh zakonov, 2002 – Vosemnadcat' stepnyh zakonov: Pamjatnik mongol'skogo prava XVI–XVII vv. [Eighteen steppe laws Monument Mongolian rights XVI–XVII centuries]. SPb., 2002. 160 p.

Golstunsky, 1880 – Golstunsky K.F. Mongolo-ojratskie zakony 1640, dopolnitel'nye ukazy Galdan Hun-tajdzhija i zakony, sostavlennye dlja volzhskih kalmykov pri kalmyckom hane Donduk-Dashi [Mongol-Oirat laws 1640 additional decrees Galdan Hung Taiji and laws created for the Volga Kalmyks at the Kalmyk Khan Donduk-Dashi]. SPb., 1880. 144 p.

Gurlyand, 1904 – Gurlyand Ja.I. Stepnoe zakonodatel'stvo s drevnejshih vremen po XVII stoletie [Steppe law from ancient times to the XVII century]. Kazan, 1904. 112 p.

Dudin, 2012 – *Dudin P.N.* Stanovlenie i normativnoe zakreplenie teokraticheskoy monarhii v Mongolii 1911–1924 g. [Formation and standard fastening theocratic monarchy in Mongolia, 1911–1924] // Right. Journal of Higher School of Economics. 2012. Nr. 2, pp. 156-161.

Dudin, Shemelin, 2015 – *Dudin P.N., Shemelin A.V.* Politicheskij opyt gosudarstvennogo stroitel'stva i formirovanie ponjatija «Buddijskoe pravo» v stranah Azii v period XX v. [The political experience of nation-building and the formation of the concept of «Buddhist Law» in Asian countries during the twentieth century] // Bulletin of the Trans-Baikal State University. 2015. Nr.2 (117), pp. 96-102.

Zakon Hutuktaj-Sjehena – *Zakon Hutuktaj-Sjehena* [Law Qutuytai-Sechen] // Dugarov R.N. Ocherki srednevekovoj istorii Kukurora (Ojrat-mongol'skaja civilizacija IV–XIX vv.) [Kukuror Essays on medieval history (Oirat-Mongolian Civilization IV–XIX centuries.)]. Ulan-Ude, 2003.

Ih Caaz, 1981 – *Ih Caaz* («Velikoe ulozhenie»). Pamjatnik mongol'skogo feodal'nogo prava XVII v. [Their Tsaaz («Great Code»). Monument to the Mongolian feudal law of the XVII century]. M., 1981. 148 p.

Konstitucija Mongolii 1992 goda – *Konstitucija Mongolii 1992 goda*. Prinjata 13 janvarja 1992 g. Vstupila v silu 12 fevralja 1992 g. [The Constitution of Mongolia in 1992. Adopted on 13 January 1992 entered into force on 12 February 1992] / URL: <http://mongolnow.com/index.html> (reference date 23/08/2016) /

Kradin, Ivliev, 2014 – *Kradin N.N., Ivliev A.L.* Istorija kidan'skoj imperii Ljao (907–1125) [The history of the Khitan Liao Empire (907-1125)]. M., 2014. 351 p.

Kurapov, 2010 – *Kurapov A.A.* [Zakonotvorcheskaja dejatel'nost' kalmyckogo buddijskogo duhovenstva (XVII–XIX vv.)]. Legislative activity Kalmyk Buddhist clergy (XVII–XIX centuries.) // Proceedings of the Ural State University. Ser. 1, problems of education, science and culture. 2010. № 6 (85), h. 2, pp. 262-268.

Leontovich, 1879 – *Leontovich F.I.* K istorii prava russkih inorodcev. Drevnij mongolo-kalmyckij ili ojratskij ustav vzyskanij. [On the history of the rights of Russian natives. Ancient Mongolian-Kalmyk Oirat or charter penalties]. Odessa, 1879. 282 p.

Mukhametov, 2006 – *Mukhametov F.* «Jasa» Chingishana i ee rol' v mongol'skoj pravovoj sisteme [«Yasa» Genghis Khan and its role in the Mongolian legal system] // Bulletin of the Chelyabinsk State University. Ser. 10. Oriental. Eurasianism. Geopolitics. 2006. №3, pp. 64-71.

Pochekaev, 2013a – *Pochekaev R.Ju.* Zakon Hutuktaj-Sjehena i osobennosti razvitija mongol'skogo prava na rubezhe XVI–XVII vv. [Law Qutuytai-Sechena and features of the Mongol right at the turn of XVI–XVII centuries] // Proceedings of the higher educational institutions. Jurisprudence. 2013. № 1, pp.204-224.

Pochekaev, 2013b – *Pochekaev R.Ju.* Pravovye aspekty rasprostraneniya buddizma v Mongolii v XIII–XVIII vv. [Legal aspects of the spread of Buddhism in Mongolia in XIII–XVIII centuries] // Countries and peoples of the East. Vol. XXXIV: Central Asia and the Far East. SPb., 2013, pp. 16-33.

Riasanovskij, 1931 – *Riasanovskij V.A.* Mongol'skoe pravo (preimushhestvenno obychnoe). Istoricheskij ocherk [Mongolian law (mostly normal). Historical Review]. Harbin, 1931. 348 p.

Sazikin, 1980 – *Sazykin A.G.* Jetiko-pravovye principy literatury «narodnogo buddizma» i mongol'skie zakonoulozhenija XVII–XVIII v. [Ethical and legal principles of literature «popular Buddhism» and Mongolian zakonoulozheniya XVII–XVIII century] // Lamaism in Kalmykia and questions of scientific atheism. Elista, 1980, pp. 129-137.

Ulozhenie Altan-hana – *Ulozhenie Altan-hana* [The Code of Altan Khan]. *Jurisprudence*. 2011. № 1, pp. 126-135.

Halha Dzhirum, 1965 – *Halha Dzhirum*: Pamjatnik mongol'skogo feodal'nogo prava XVIII v. [Halha Dzhirum Monument Mongolian feudal law of the XVIII century]. M., 1965. 340 p.

Caadzhin bichig, 1998 – *Caadzhin bichig* («Mongol'skoe ulozhenie»). Cinskoe zakonodatel'stvo dlja mongolov 1627–1694 gg. [Tsaadzhin bichig («Mongolian Code»). Qing legislation for the Mongols 1627–1694]. M., 1998. 342 p.

Shatuev, 2010 – *Shatuev N.V.* K voprosu o gosudarstvenno-pravovom regulirovanii religioznych otnoshenij v Mongolii v XVII–XVIII vv. [On the issue of state-legal regulation of religious relations in Mongolia in XVII–XVIII centuries] // Form of state and law in Russia and APR countries. Materials correspondence conference 17.12.2010. [Electronic resource] / URL: <http://econf.rae.ru/article/5731> (reference date 23/08/2016)

Wallace, 2014 – *Wallace V.A.* Buddhist Laws in Mongolia // Buddhism and Law. Edited by Rebecca French. Cambridge. 2014, pp. 319-333.

УДК 348.011.3

Буддизм и правовая традиция МонголииМерген Санджиевич Уланов ^{а, *}, Валерий Николаевич Бадмаев ^а, Наталья Петровна Мацакова ^а^а Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена проблеме влияния буддизма на правовую традицию в Монголии. Научная актуальность исследования истории взаимодействия буддизма и правовых традиций обусловлена тем, что религия и право выступают ценностно-нормативными регуляторами общественных отношений, выявляя уровень и состояние нравственности социума, определяя систему его ценностных координат. Особое значение при этом имеет анализ культурно-исторического контекста взаимодействия правовых и религиозных институтов. В этой связи представляют интерес вопросы истории взаимовлияния буддизма и правовых традиций в Монголии. Авторы статьи рассматривают такие памятники монгольского права, как Великая Яса, Закон Хутуктай-Сэчена, Уложение Алтан-хана, «Восемнадцать степных законов», «Их цааз» (Монголо-ойратское уложение 1640 г.), «Монгол цааджин бичиг» (Монгольское уложение), «Халха Джирум», а также современное законодательство Монголии. Распространенный в религиоведении взгляд на буддизм как на созерцательную религию, равнодушную к политико-правовым вопросам, является не совсем верным. Исследование показало, что буддизм оказал значительное влияние на формирование государственно-правовых отношений в Монголии. Включение буддийского канонического права в общегосударственное законодательство способствовало закреплению положений мировой религии в монгольском обществе, в результате чего они стали важным регулятором правоотношений. Это также содействовало тому, что буддийское духовенство начало восприниматься населением как важная и неотъемлемая часть общества. После провозглашения Монгольской Народной Республики и последующих гонений на духовенство буддизм перестал оказывать какое-либо серьезное влияние на право. В современной демократической Монголии ведущая роль буддизма в стране законодательно закреплена, а сам он рассматривается как идеологическая основа для сохранения национальной культуры и идентичности монголов.

Ключевые слова: буддизм, буддийское право, каноническое право, государство, Монголия, монголы, Халха, ламы, духовенство.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ulanov1974@mail.ru (М.С. Уланов), badmavo7@yandex.ru (В.Н. Бадмаев), matsakova_np@mail.ru (Н.П. Мацакова)